

Неприкаянный

Дед Василий вышел из дома и, поправив на плече тряпочный самодельный ремень, «чтобы сумка шею не давила», коротким шагом пошёл в сторону кладбища. Маленькая, как щенок, но уже взрослая его собака, вертлявая и звонкая, по имени Лёлька, радовалась вокруг, точно зная, куда они идут. Торчащие врозь титьки, говорили о её недавнем материнстве, но хитрая Лёлька накормила своего сына, и он спокойно спал, уткнувшись в старый половик. Хозяйина своего она любила до самозабвения, чутко чувствовала его настроение и без придилок отзывалась на любое обращение, слушая его и понимая...

Сегодня было двадцать девятое апреля, прошло девять дней после Пасхи, и значит, Радоница. Но для них важнее то, что сегодня день поминовения усопших — поминки!

У самого Василия, уже старого, но ещё очень юркого и живого старика, старуха тоже третий год лежала на погосте под сосновым крестом, но шёл он туда не только к ней...

* * *

Он был уже старик, хотя, появившись в этой деревне лет пятнадцать–двадцать назад, был точно таким же. Откуда его привела Антонина — неизвестно, но однажды люди заметили около её низенькой хаты, переделанной для жизни из небольшого банного склада, мужчину и удивились этому. Сама она была большой, крикливой и уже тогда очень пожилой. Когда в совхозе работала общая баня, она состояла при ней техничкой, заготавливала веники и потом приторговывала ими помаленьку. Антонина тоже была пришедшей откуда-то, и старый сердобольный председатель разрешил ей пожить в банном складе, велел рабочим сложить там печь и сладить стол и лежак.

Она прижилась и стала как бы завхозом бани, заняв именно то место, которое пустовало. Кто она и откуда, знал только председатель, но паспорт у неё был — значит, всё законно.

Деревенских мужиков, любящих как крепко работать, так и крепко «отдохнуть», она не стеснялась и не страшилась, а, несколько раз схватившись в перепалках и не уступив, завоевала ещё и уважение, внушив обидчикам

постулат — «лучше не трогать». Всё встало на место и пошло дальше, как «так и было».

В доперестроечное время люди, жившие в одном месте, были, за малым исключением, словно родня. Поэтому у одинокой Антонины всего, вроде, хватало. И даже дрова каждый год ей подвозили к складу за счёт совхоза. Но потом всё перевернулось. Началась перестройка. Старый и всё понимающий председатель, переживая за совхоз, как за своё, скоро заболел и неожиданно для многих скончался. Его похороны были последним поводом людям собраться. После этого всё, что строили, к чему шли, что чтили и любили эти люди, ради чего растили детей — в общем, всё, что радовало и объединяло, пропало! Через год развалился совхоз, ещё через год всё разворовали и раскурочили, каждый стал сам за себя — и деревня умерла...

Вот тогда-то, побродив около закрытой насовсем бани, в зиму чуть не замёрзнув без дров, Антонина и привезла откуда-то мужика.

* * *

Выйдя на прямую, до кладбища, дорогу, в которую из всех переулков деревни впадали ручейки-тропинки, Василий сбавил шаг и ещё раз ощупал свою сумку. Убедившись, что всё на месте, объяснил Лёльке:

— Время — пятый час, основной народ должен уже пройти. А кто ещё остался, так Бог с ним — ничего страшного. Начнём с ближнего угла кладбища и пока дойдём до нашей бабки, уже нормально наберём в помин душ усопших... Ты только не наглей, а то опять всё лучшее поглотаешь: и колбасу, где и мясо какое...

В общем, шёл старый Василий на кладбище помянуть Антонину и попутно насобирать еды, какую кладёт на могилы родня покойных. А для вина, налитого в рюмки на каждой второй могиле, у него полуторалитровая пластиковая бутылка из-под воды...

Идёт он, совершенно уверенный в правильности поступка и в совершенной его законности.

— А кому это оставляют? Испокон веку — людям свободным, бездомным на помин. Или просто, кто голодный... И, если здраво рассудить, хозяева радуются, наверно, что какие-то люди перекусят и

горьким помянут сродственников их почивших, я так уверен! — из года в год повторял он Лёльке, которая была с ним согласна...

Мало того, за двадцать лет жизни он многое узнал о хозяевах могил: про тех, кто уже при нём нашли здесь свой приют, и про всех он рассказывал собаке, складывая в сумку еду и сливая вино и водку в бутылку. Зная людей и правильно их оценивая, старался никогда не говорить плохо о покойных, даже о тех, кто это заслуживал. Обычно он, чтобы не молчать в таких ситуациях, объяснял Лёльке, терпеливо ожидающей, что достанется ей, болтавшей хвостом и немного подскуливавшей в нетерпении: — Рязанец, вот выпить любил — но не грех — зато никогда не отказывал! Хоть ночь проси — поможет, но бутылку для него запаси — закон. Здоровый был и не болел никогда, почто помер — не знаю. Смотрю, идёт народ. Что, спрашиваю? Рязанца хороним... Вот те раз... А этот, смотри, молодой совсем, — он долго, шевеля губами, считал года на табличке, потом охал и крестился: двадцать один! И ещё ведь год назад это было — двадцать... Господи, прости... Он с невестой поругался: она — к маме, он — к друзьям. Вина выпили, разгорелись, кровь молодая, он возьми, да на ремень, дур... Ой, Господи, прости! А теперь, вишь чё наложили ему? Оказывается, любят его, грешника, все, но назад не воротишь — вот беда! А как же мать его с отцом теперь, а? — и он, присев на лавочку, всплакнул... Через минуту успокоился и, разбив красное яйцо и выпив из маленькой рюмочки пятьдесят грамм, заев, продолжал:

— Раньше таких грешников за забором кладбища хоронили. Ведь грех это, единственный, который Христос не прощает. Значит, нельзя ему здесь быть с теми, кто по закону Божьему лежат... Однако сейчас на это не смотрят: куда получается, туда и опускают... — Он вставал с лавочки и, перекрестившись, шёл дальше.

На некоторых могилах, где лежало совсем немного, ничего не брал, а на те, которые были забыты родственниками, сам положит конфетку или печенюшку. «Не печальтесь, просто ваши не смогли нонче приехать. Далеко живут, наверно. Но они вас помнят, не сумлевайтесь», — и обязательно крестясь, шёл дальше.

* * *

В этот год день поминок радовал. Немного стылый с утра, ближе к вечеру теплел. На душе у Василия тоже было тепло и уютно. Пройдя кладбище полукругом, он набрал уже полную сумку. Правда, всё больше были сладости и яйца, часто блины и довольно много фруктов. Но вот нарезанной кольцами колбасы и жареной рыбы было немного. И не потому, что не клали — клали! Просто вездесущие вороны и сороки, совершенно не стесняясь, собирали с могил почти всё мясное, чем возмущали деда и ещё больше Лёльку. Она, нахватавшись печений и очищенных ей дедом яиц, хотела колбасы и, бегая, облаивала мелькающих среди оградок воровок. Бутылка тоже уже была полна — оставляли часто хорошо, иногда даже по полстакана. Сам он, три или четыре раза приложившись, захмелел и боялся, ослабнув, задремать где на могиле. Заходящей за ним в каждую оградку Лёльке, объяснял:

— Спать на земле пока нельзя. Враз здоровье оставишь — земля ещё холодная. Вам-то, конечно, не понять — дело привычное на земле кемарить, а нам, людям, — нельзя.

Она понимающе тявкала и выжидательно следила за руками. Взяв с этой могилы несколько шоколадных конфет, он решил идти к Антонине.

* * *

Антонина умерла в феврале. Умерла, не болея или просто не жалуясь. Василий растерялся: он совершенно не знал, что делать. Продавщицы посоветовали ехать в сельский совет, в соседнюю — главную деревню их бывшего совхоза. Глава, выслушав, обещал помочь, и Василий, уже по сумеркам, пошёл обратно. До его деревни было десять километров насыпной дороги. Продуваемый противным резким ветром, он не стал стоять на перекрёстке, а пошёл, надеясь на попутку.

Три раза его догоняли и объезжали легковушки, моментально растворяясь в позёмке. Выйдя в пять часов вечера из сельского совета, домой он пришёл в одиннадцать ночи, до ломоты промёрзший и очень уставший. Антонина, как он оставил, так и лежала на деревянном настиле, на котором он сам спал. Старик сел на стул, решив немного отдохнуть, и, глядя на покойницу, раздумывал: «Её же надо обмыть. Что же сделать, к кому сходить за помощью?»

Он задремал и во сне расстроено вздыхал, пытаясь укрыться полой пиджака, полагая, что это одеяло.

Проснувшись ночью и с трудом поняв, где находится, пошёл растапливать печь — в домике было очень холодно.

Утром, ещё по темноте, зашла соседка, совсем пожилая уже бабка, Галина. Василий очень обрадовался, не ведая, как самому всё это сделать.

Под руководством постоянно ругающей его женщины кое-как обмыли

Антонину, натянули на неё простое чистое платье, после чего он вышел на улицу и долго стоял, ожидая известий. К обеду привезли большой гроб и сообщили, что ему надо идти к кладбищу — там копальщики ждут...

Старик, взяв лопату, заспешил по переёмам в конец деревни и уже издали увидел гусеничный трактор, сгребающий снег на свободном от берёз участке. Пока полз до места, подошёл экскаватор и начал скрести землю ковшом. Земля поддавалась плохо, и экскаваторщик в крик материл землю, морозы, лёгкий экскаватор и потом, уже до кучи, покойницу и молча сжимающего лопату Василия.

В конце концов, какую-никакую яму выкопали, Василий, как мог, её немного подровнял и, придя домой, обрадовался, увидев не одну, а уже нескольких старушек. Они сидели смиренно и после того, как он растопил печь, разрешили ему поспать. Разрешения он уже не слышал, уснув, скрутившись в кольцо на старой шубе около открытой духовки.

На следующий день в обед приехал вчерашний тракторист на своём экскаваторе, только теперь с телегой и ещё с одним мужиком, пьяным почти в стельку. Втроём они загрузили гроб в телегу и, доехав до свежей ямы, похоронили Антонину. Тракторист, отстегнув телегу и виртуозно маневрируя на тракторе, за пять минут закопал яму и даже собрал из мёрзлой земли холмик. Второй мужик налил Василию полстакана водки, и они быстро уехали. Василий выпил водку, поставил пустой стакан на холмик и пошёл домой...

... Летом он подровнял землю, соорудил, как мог, крест, нашёл, кем-то выброшенную старую оградку и, частями перетаскав её,

собрал вокруг холма. Могила Антонины оказалась метрах в пятидесяти от основного кладбища. Ну, что же, и на том спасибо...

* * *

Он уже почти вышел с кладбища, когда его окликнули. Обернувшись, увидел высокого мужика с гривой лохматых волос в распахнутой грязной куртке.

— Ты куда прёшь, дед? — оскалился он, не обращая внимания на собаку, — подходи к нам...

Василий, машинально повернув, подошёл. Их было трое — здоровый верзила и двое, чуть старше его, весёлых мужиков. Они сидели на лавках за большим поминальным столом, на котором было много еды, также собранной с могил, и разные бутылки.

Верзила шагнул навстречу и, цепко схватив за сумку, вырвал её у него из рук.

— Да ты мародёр, дед! Смотрите, сколько насобирал, елейный! — и он вывалил всё из сумки под ноги. Яйца и яблоки раскатились по земле, бутылку с вином он сразу ухватил.

— Я не мародёр, я помаленьку брал, по-Божески...

Верзила засмеялся и, открыв бутылку, стал лить вино в чёрный рот, смеясь и сплёвывая.

— Вот это да! Ёрш хороший, молодец!

Василий шагнул и потянулся за бутылкой.

— Отдай, пожалуйста... вы же сами... — договорить он не успел. Верзила правой рукой, кулаком, резко ткнул его в грудь. Старик, как подрубленный, упал спиной на соседнюю оградку и сполз на землю, закрыв глаза. Поднять руку к захрустевшей груди он не смог. Лёлька, отчаянно лая, кинулась на верзилу. Тот поставил бутылку, схватил стоявшую у стола лыжную палку и, изловчившись, сильным ударом проткнул собаку. Развязно ухмыльнувшись, он поднял её, визжащую, над землёй и метнул, как из пращи, в сторону. Лёлька, звизгнув в воздухе, упала за оградки и через секунды замолкла. Верзила, рыкнув по-звериному, сел на лавку. Его собутыльники, напуганные, молчали.

— Будет ещё мне указывать, как жить, всякая голь! Так же? Давайте, собираемся и пошли: нам ещё сегодня–завтра надо в соседнюю деревню — там кладбище в два раза больше.

Они выпили, быстро собрали всё разбросанное в сумки и направились в сторону дороги. Верзила, вдруг ойкнул и, приказав им идти дальше, вернулся.

Присев и долго вглядываясь в лицо старика, он заметил, как дрогнуло веко и сразу, с оттягом, со всего маха ударил в него, вогнав разбитую голову между прутьями решётки. Кровь алой дорожкой потекла из носа, по шее под рубаху и из закрытого рта — по подбородку. Ноги, обутое в старые, со свалки ботинки, вытянулись, руки безвольно упали вдоль тела...

Верзила ещё раз наклонился и, затаив смрадное дыхание, секунду постоял.

— Так-то лучше, неприкаянный...

И, развернувшись, громко топая, побежал догонять своих.

* * *

Через четыре дня на отшибе, за кладбищем, вырос ещё один кривой холмик, одной стороной насыпанный на старую оградку. Креста на нём нет. Некогда людям...

29-30 апреля 2014 г.

Радоница.